

УДК 821.134.2

Гусева Татьяна Константиновна

кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры иностранных языков Московского
государственного гуманитарного
университета им. М.А. Шолохова
editor@hist-edu.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ: СПРАСТАНИЕ
С НАРОДНЫМ КОРНЕМ (ИНТРАИСТОРИЯ
М.ДЕ УНАМУНО)**

Статья посвящена исследованию варианта социальной эволюции в эпоху кризиса: испанский писатель-философ Мигель де Унамуно трактует процесс как сближение с народом по мере следования его вере. Автор обращается к философским эссе Унамуно, в частности, не переведившимся на русский язык, исходя в своем анализе из собственного писателю экзистенциального гуманизма, а также его ориентирования на концепцию опощения Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: социальная эволюция, экзистенциализм, Мигель де Унамуно, интраистория.

Guseva Tatyana Konstantinovna

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Moscow State University for Humanities named after M.A. Sholokhov
editor@hist-edu.ru

**SOCIAL EVOLUTION: ACCRETION WITH
THE POPULAR ROOTS (M. DE UNAMUNO'S
INTRA-HISTORY)**

The paper regards the analysis of the variant of social evolution in the crisis epoch: the Spanish writer and philosopher Miguel de Unamuno interprets the process as convergence with the people while following his faith. The author examines the philosophical essays of Unamuno, in particular those that were not translated into Russian, viewing the issue from the perspective of existential humanism, characteristic of the writer and his orientation to L. Tolstoy's concept of simple living.

Key words: social evolution, existentialism, Miguel de Unamuno, intra-history.

Представляется необходимым теоретически обобщить творческое наследие испанского писателя и философа «поколения 98 года» М.де Унамуно. В настоящее время – неоднозначное и во многом сходное с кризисной ситуацией Испании стыка XIX – XX вв. – становится особенно актуальным основополагающий антропоцентризм писателя (во многом определенный влиянием Л. Толстого и Ф.М. Достоевского).

С целью выявления того, как современные студенты-романисты знакомы с испанской литературой (в частности, со столпами «поколения 98 года») в сопоставлении с русской, понимают процесс поступательности развития литературы, в том числе, понятия «экзистенциализм», «компаративный анализ», нами было осуществлено тестирование студентов 3 курса филологического модуля обучения педагогического университета (16 участников). Результаты проведенных исследований показали, что 8 студентов (50%) не обладают достаточными знаниями в указанной области.

Тема возможности национального возрождения стала основной темой «поколения 98 года». Об этом пишет М. де Унамуно («Вокруг кастовости»), сознавая, что в Испании народ веками существует вне истории. В религиозно-философских поисках Унамуно возникает идея испанской особости, испанского характера, духа (hispanidad). Злободневные жгучие проблемы истории и личности испанский писатель «поколения 98 года» М.де Унамуно решал с позиций экзистенциальной философии, определяя в исторической реальности два уровня: формально-официальный, внешний, преходящий – и подлинное, экзистенциальное, иррациональное, трансцендентное бытие.

Подходя с новых философских позиций к исторической ситуации, Унамуно отверг поверхностную и фальшивую «внешнюю» официальную историю и признал подлинной «внутреннюю» историю, хранящую народный дух, отражающуюся в языке, душе народа, культуре традициях быта, интуитивного фольклорного творчества.

С целью погружения во внутреннюю историю Унамуно путешествует по Испании, наблюдает за жизнью народа, описывая свои впечатления в путевых очерках «По землям Испании и Португалии» (1911). Писатель любил Испанию и чувствовал себя испанцем. «Малая родина» (patria chica) Бискайя не заслоняла большую родину – он был испанцем по рождению, воспитанию, духу, языку. Именно в интраистории видится маэстро спасение от кризисного мироощущения. Прогресс при таком ракурсе способствует лишь гибели многих народов, которые не используют его как «инструмент для спасения души, освобожденной благодаря ему от оков железного состояния. Отсюда упадок народов и цивилизаций» [2, с. 36]. Унамуно не приемлет определение сути народа исходя лишь из уровня научно-технического прогресса, выдвигая в противоположность критерий развития духовного, по которому испанская нация обладает огромным потенциа-

лом.

Уже в 1895 г. он очерчивает свою концепцию *интраистории* («Вокруг кастовости»), в «Житии Дон Кихота и Санчо» (1905) предлагает интерпретацию романа Сервантеса как выражения испанской души и противопоставляет притязаниям европеизировать Испанию жажду *испанизации* Европы.

Обеспокоенность проблемами Испании пронизывает все творчество М.де Унамуно. Маэстро много размышлял о прошлом Испании, ее литературе, истории, о ее настоящих болезнях и насущной необходимости духовного обновления, о новых идеалах жизни, способных преодолеть инертность. Погрузившись после религиозного кризиса в вопросы индивидуального сознания, Унамуно констатирует противоречивость научного и исторического прогресса. Заботясь о возрождении Испании из «маразма», выходе из бесперспективности современного мира, писатель намечает изменение судьбы Испании через духовное возрождение личности, путем воздействия на мораль общества. Проблему Испании может решить только своеобразный экзистенциальный «кихотизм», «героическое безумие». Падре Мануэль, «автопсихологический» [3, с. 315] герой Унамуно, отчаянный борец с собственным безверием, стремится укрепить в других веру, что божий лик появится, не позволить разделяющему духу рации проникнуть в глубины не тронутого цивилизацией, свободного от ее тлетворного современного воздействия патриархального *интраисторического* бытия, безумец Дон Кихот, противостоящий здравому смыслу внешнего мира, есть образцы истинной, подлинно реальной интраисторической жизни. *Испанизация, кихотизация* Европы выведет ее из общего духовного кризиса, возвратит утраченные подлинные ценности. Метафизический смысл исторического процесса состоит в том, чтобы внешнее, наносное превратилось в подлинно реальную интраисторию. Будущее Испании зависит от Санчо – народа: «...исполнять все то, что народ верный исполняет, следовать его вере, верить с ним вместе, но оставляя за собой возможность осознания более возвышенного, символического, ища в возвышенной мистике более глубокий смысл» [4, с. 61]. Современник Унамуно, тоже представитель «поколения 98 года» поэт А. Мачадо (в письме литературоведу и переводчику Давиду Выгоцкому отметил: «En España, no hay modo de ser persona bien nacida sin amar al pueblo» [5].

В осознании вечной надсоциальной надполитической ценности каждой человеческой индивидуальности заключается непреходящий гуманистический пафос Унамуно. Первый роман «Мир во время войны» (1985 г.), предвосхищая экзистенциальные принципы поэтики, проверяет человеческое бытие экстремальной ситуацией, противопоставляет военным действиям, уравнивая тем самым карлистов и либералов, радости повседневной жизни и беспредельную красоту мира, природу, индивидуальный предел Унамуно, возведенный в судьбы человеческой жизни. Сама жизнь, но никак не логика рассудка, становится критерием истинности суждений. За преступление ее законов человека ждет наказание – ответственность пред судьбой и бесконечностью [1].

Фактически про прихожан Дона Мануэля Унамуно написал в своем личном дневнике [6, с. 106-107]:

«¡Felices aquellos cuyos días son todos iguales! Lo mismo les es un día que otro, lo mismo un mes que un día y un año lo mismo que un mes. Han vencido al tiempo; viven sobre él y no sujetos a él. No hay para ellos más que las diferencias del alba, la mañana, el medio día, la tarde y la noche; la primavera, el estío, el otoño y el invierno. Se acuestan tranquilos esperando al nuevo día y se levantan alegres a vivirlo. Vuelven todos los días a vivir el mismo día. Rara vez forman idea de su Señor porque viven en él, y no lo piensan, sino que lo viven. Viven a Dios, que es más que pensarlo, sentirlo o quererlo. Su oración no es algo que se destaca y separa de sus demás actos, ni necesitan recogerse para hacerla, porque su vida es oración. Oran viviendo. Y por fin mueren como muere la claridad del día al venir la noche, yendo a brillar en otra región.

¡Santa sencillez! Una vez perdida no se recobra» [7].

Мотива бегства от общества насчитывает многовековую историю. Вариант Унамуно напрямую перекликается со II эподом Горация «*Beatus ille*», вызвавшим в испанской литературе волну подражаний. Это экзистенциальная *интраисторическая* интерпретация буколической темы может быть включена в длинный ряд имитаций поэту «золотого века» римской литературы. Рассмотрение версии Унамуно в сравнении со сложившейся традицией более ранних переделок Горация проявляет ее характерные экзистенциальные особенности, ибо каждая эпоха создавала «свой» второй эпод Горация, соответствующий доминирующим канонам.

Гораций (и Петрарка) – наиболее часто переводимый поэты – определил во многом развитие испанской высокой поэзии. Влияние Горация в Испании начинается (и продолжается в даль-

нейшем на протяжении всей истории воздействия) не с собственно переводов, а с подражаний, в которых трудно разделить оригинальное и заимствованное. Прямой достаточно точный перевод переплетается с вариациями на тему оригинала и его парафразами, ибо «вся испанская поэзия XVI и XVII вв. – имитация ... более или менее близкое следование...» [8, с. 123 - 124].

Глубина Горация, его способ выражения не были приняты испанским средневековьем, хотя в древности поэт был известен. Известны даже метрические имитации Сан Эухенио Горация. Возвращает Горация Испании Л. де Мендоса удачной имитацией II эпода «*Beatus ille*» в эпической поэме «Маленькая комедия о Понце» («*Comediata de Ponça*», 1444) [9], вложенной в уста жены инфанта Дона Энрике, жалующейся на судьбу, удачу, оставившую знатных людей, и прославляющую простой труд и непритязательную жизнь прошлых времен:

«*¡Benditos aquellos, que siguen las fieras / con las grueses redes e arcos tendidos, / e saben las trochas, e las delanteras, / y fieren del arco en tiempos debidos...*» [10]

Тематика буколической поэзии с антитезой развращенное общество / нравственно чистое естественное бытие была очень популярна не только в испанской литературе XVI – XVII вв.: «сельские оды» пишут поэмы Пляды, русские поэты-классицисты. Русские, испанские поэты и переводчики часто обращаются ко второму эподу Горация, воспроизводя целиком более или менее близко, переориентируя в соответствии с жанровой системой эпохи или вводя составную часть в свое произведение. Ориентирование на внеположенный оригиналу образец, а не на индивидуальность автора – общее свойство переделок риторической эпохи.

Во второй эклоге Гарсиласо де ла Вега один из героев, Салисио, следующим образом перефразирует эпод Горация [11]:

«*¡Cuán bienaventurado / aquel puede llamarse / que con la dulce soledad se abraza / y vive descuidado, / y lejos de empacharse / en lo que el alma impide y embaraza!*...» [12]

Один из представителей «итальянской школы» в испанской поэзии, Г. де ла Вега италянизует Горация, соединяя тему эпода с любовной лирикой. В драматической эклоге традиция буколической поэзии переплетается с аллегорией, реминисценциями из античной мифологии, воспоминаниями, дидактическими рассуждениями поэта. Новым у Г. де ла Вега было и соединение горацянкой темы уединенной жизни с мотивом античности как «золотого века» человечества, чрезвычайно популярным в эпоху Возрождения. Амплифицируя философские размышления, Г. де ла Вега усиливает противопоставление природы алчному обществу. Вторая эклога Г. де ла Вега в свою очередь вызвала в испанской ренессансной поэзии множество подражаний.

Переложения вбирали в себя античные образцы, подключая их к разным жанрам воспринимающей литературы. Устранение национально-исторических реалий оригинала – характерных деталей быта, обычаев, примет времени – свойственно в целом переводам риторической эпохи с ее синхроническим, вневременным подходом к тексту оригинала. Натурализация предполагается изначально как одна из основных задач переводчика, стремящегося «национализировать» иноязычный текст. Так, Л. де Леон прямо говорит о том, что герои должны «говорить по-кастильски не как пришлые чужеземцы, но как выросшие в атмосфере кастильской речи» [13, с. 126]. Аналогичные явления наблюдаются в переводах французской, русской и других литератур этого периода.

Мотив бегства от общества развивается в эпоху Возрождения и позднее, в эпоху барокко, романтизма и реализма во многих литературах. Образ поэта в художественном мире европейских литератур неотделимо связан с одиночеством, единением с природой, высшей мудростью. Так, Ж. Дю Белле выдвигает провозглашенный Пиндаром принцип *doctus poeta* – «ученого поэта», проводящего жизнь в уединении, лишениях, труде, долгих бдениях.

Дидактическая литература Испании часто обращается к Горацию. Эпоха барокко ознаменовала расцвет дидактико-просветительской поэзии. Исходя из дидактической направленности, новым, аллегорическим, смыслом наполняются строки Горация о труде садовника, подрезании сухих веток, плодоносных прививках. Широко распространяются аллегорико-символические басни, нередко объединяемые в своды правил поведения.

Автопсихологический герой зрелого Унамуно, выросший из католического детства, воспринимающий человека в его отношении к богу и в связи с богом и уже утративший *наивную* веру, предоставлен сам себе, находится в отрыве и противопоставлении всему и вся, существует над временным и преходящим.

Вариация буколического мотива бегства – квинтэссенция центральной темы всего творчества Унамуно *интраистории* (синоним победы над временем, жизни в Боге), проходящей как в художественных, так и мемуарных, теоретико-литературных эссе, сопряженной с другой ключевой темой – *агонии* подвига веры. Интраисторическое естественное бытие, единственно подлин-

ное, не затронуто агонией непримиримого противостояния разума вере (со всей полнотой раскрытого в эссе «О трагическом чувстве жизни у людей и народов», 1913, «Агония христианства», 1924). Вера – искусство, наука, спасение, противоядие от здравого смысла, напасти эпохи рационализма.

Подлинная жизнь мыслящего индивида, утратившего наивную веру (задающегося вопросом «О, Ты, кого мы отрицаем, утверждая, / и отрицая, утверждаем, / скажи нам, есть ли ты?» [14, с. 33-34]), согласно его философии, отразившейся в литературных, теоретических, эстетических воззрениях, начинается тогда, когда личность, осознав абсурдность своего краткого существования на земле, побеждает страх и начинает жить, как Дон Кихот – *агонист*, ведущий постоянный бой с отчаянием ума. Автопсихологический герой Унамуно воспевает не то, чем он является, но то, кем хочет стать, то есть «свою анти-сущность, или против-сущность» [15, с. 470]. Это вполне естественная реакция, ибо каждый ищет себе дополнение. Настоящий человек Унамуно, агонист, «одержимый жаждой вечности и бесконечности», живет в постоянной ожесточенной борьбе с самим собой: «когда вы видите кого-либо противостоящего сурово и непреклонно чему-то человеческому, поверьте, что он несет это в себе и что он отчаянно борется, чтобы вырвать это из своего собственного нутра» [15, с. 470].

Позиция Унамуно проповедования простой жизни в гармонии с природой и народом переключается, а во многом также и определяется этическими, религиозными принципом опрощения Толстого, предполагающего отказ от благ цивилизации. Русский писатель, также переживший глубокий мировоззренческий кризис, сопряжённый с религиозными исканиями, пришёл к радикальной мысли, что лучшая жизнь – не обременённого излишними материальными ценностями «простого трудового народа»: «... доход отдать на бедных и школы... удовлетворять самим себе, т.е. ограничить как можно свои потребности и больше давать, чем брать, к чему и направлять все силы и в чем видеть цель и радость жизни. ... содействовать тому, чтобы деньги эти шли на добро... Меньших воспитывать так, чтобы они привыкали меньше требовать от жизни. Учить их тому, к чему у них охота, но не одним наукам, а наукам и работе. Прислуги держать только столько, сколько нужно, чтобы помочь нам переделать и научить нас и то на время, приучаясь обходиться без них. Жить всем вместе: мужчинам в одной, женщинам и девочкам в другой комнате. Комната, чтоб была библиотека для умственных занятий, и комната рабочая, общая. ... Кроме кормления себя и детей и учения, работа, хозяйство, помощь хлебом, лечением, учением. По воскресениям обеда для нищих и бедных и чтение и беседы. Жизнь, пища, одежда. ... все самое простое. ... Все лишнее: ... фортепьяно, мебель, экипажи – продать, раздать. ... Цель одна – счастье, свое и семьи – зная, что счастье это в том, чтобы довольствоваться малым и делать добро другим» [16, с. 303-304].

Позиция Унамуно сродни духовному эскапизму, отдалению и оторванности от своего окружения. Литературно-философская деятельность Унамуно может быть понята и охарактеризована как вариант духовного эскапизма, погружения в свое личное «я», ибо основная ее направленность – личные *неразрешённости* и *неразрешимости*. Индивид (как и сам писатель) находится в состоянии относительной духовной изоляции. Стремление бежать от реальности возникло в его случае вследствие психологической травмы от религиозного кризиса и постоянной стрессовой ситуации саморефлексии, агонии, осознания своей богооставленности. Неприятие действительности толкало автора к усиленному обдумыванию своего варианта выхода из кризисной ситуации. Унамуно не видит для себя возможным и не рассматривает как вариант физический уход от мира «в народ», но, отрицая известные ему и принятые в обществе ценности, он противопоставляет им мир ценностей, трактуемых как априори народные.

Индивид, исключительная ценность бытия, в кругу его проблем, признан экзистенциальным сознанием Унамуно (вслед за Кьеркегором) основополагающей категорией, ориентиром, системой координат, с точки зрения которой следует рассмотреть и время, и историю, и человечество в целом. Первостепенный момент философской и эстетической концепции Унамуно – его «безудержный антропоцентризм» [17, с. 849]. Эта позиция Унамуно определяет экзистенциальное предназначение искусства успокоить человека, осознавшего свою предельность, сплавленное с его социальной направленностью, трактуемой в самом широком гуманистическом плане.

На основе полученных в ходе исследований результатов нами выделены творческий, технологический, продуктивный срезы подготовки филологов широкого профиля – преподавателей иностранных языков, свидетельствующие о неудовлетворительных знаниях по истории литературы, методологии, компаративистике, а также отсутствию сформированных навыков саморазвития.

Полученные данные отражают реальную ситуацию наличия противоречия между возрастающей потребностью общества в нравственно-духовном воспитании учащихся и уровнем реальной подготовки студентов-филологов, будущих педагогов. Воспитание гуманизма является приоритетным в процессе подготовки будущих преподавателей. Знание истинного состояния помогает корреляции учебно-воспитательного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. См. об этом подробнее: *Гусева Т.К.* К вопросу о типологии: изображение войны Гайто Газдановым и Мигелем де Унамуну // Вестник ОГУ. 2011. № 11; *Гусева Т.К.* Диалог на грани эпох: экзистенциальная версия Карлистских войн // Вестник Ярославского государственного университета. 2011. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки).
2. *Unamuno M.de.* Recuerdos de niñez y mocedad. М., 2006.
3. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. Л., 1971.
4. *Unamuno M.de.* Diario íntimo. Madrid, 2008.
5. «В Испании невозможно стать настоящим человеком, если ты не любишь свой народ» (здесь и в дальнейшем перевод наш – Т.Г.). *Hora de España.* № IV. abril 1937.
6. *Unamuno M.de.* Diario íntimo. Op. cit.
7. «Счастливы те, чьи дни текут единообразно! Один день для них подобен другому, месяц – что день, и год – как месяц. Они победили время; они живут над ним, не подчиняясь ему. Для них это лишь разница зори, утра, полдня, вечера и ночи; весны, лета, осени и зимы. Они ложатся спать, спокойные, в ожидании нового дня и встают, радостные, чтобы прожить его. Они каждый день вновь проживают тот же самый день. Редко они размышляют о Боге, ибо они живут в нем, и не анализируют его – они им живут. Живут под Богом, – это больше, чем думать о нем, чувствовать его или любить. Их молитва – не выделяется и не отделяется от других их дел, и им не надо уединяться, чтобы помолиться, ибо вся их жизнь – сплошная молитва. Они молятся, живя. И в конце умирают, как умирает свет дня с приходом ночи, уходя светить другим землям. Святая простота! Однажды утратив, ее уже не вернуть»
8. *Alonso D.* Del siglo de Oro a este siglo de siglas. Madrid, 1962.
9. *López de Mendoza I.* Obras de don Iñigo López de Mendoza, marqués de Santillana / por Amador de los Ríos J. Madrid, 1852.
10. «Благословенны те, кто преследует зверя / с крупной сеткой и натянутым луком, / кто знает тропы, умеет нападать, / вовремя пускает стрелу...».
11. *Garcilaso y Boscán.* Obras completas / Prólogo de Federico Carlos Sainz de Robles. Madrid, 1964.
12. «Каким счастливым / можно назвать того, / кто в объятиях милого одиночества / живет беззаботно, / не смущая себя / тем, что душа запрещает и отвергает!...»
13. *Menendez y Pelayo M.* Bibliografía Hispano latina clásica. 10 tomos. Tomo 4: Horacio (I). CSIC, Santander, 1950-1952.
14. *Unamuno M.de.* Antología poética. Madrid, 2007.
15. *Unamuno M.de.* Contra-mismo // Unamuno M.de. De esto y de aquello. Vol. III. Buenos Aires, 1953.
16. *Толстой Л.Н.* Дневники. 1881 // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 т. М., 1984. Т. 21.
17. *Unamuno M.de.* La novela contemporánea y el movimiento social // Unamuno M. de. Obras completas en 16 vol. Prólogo, edición y notas de Manuel García Blanco. V. IX. Madrid, 1966.